

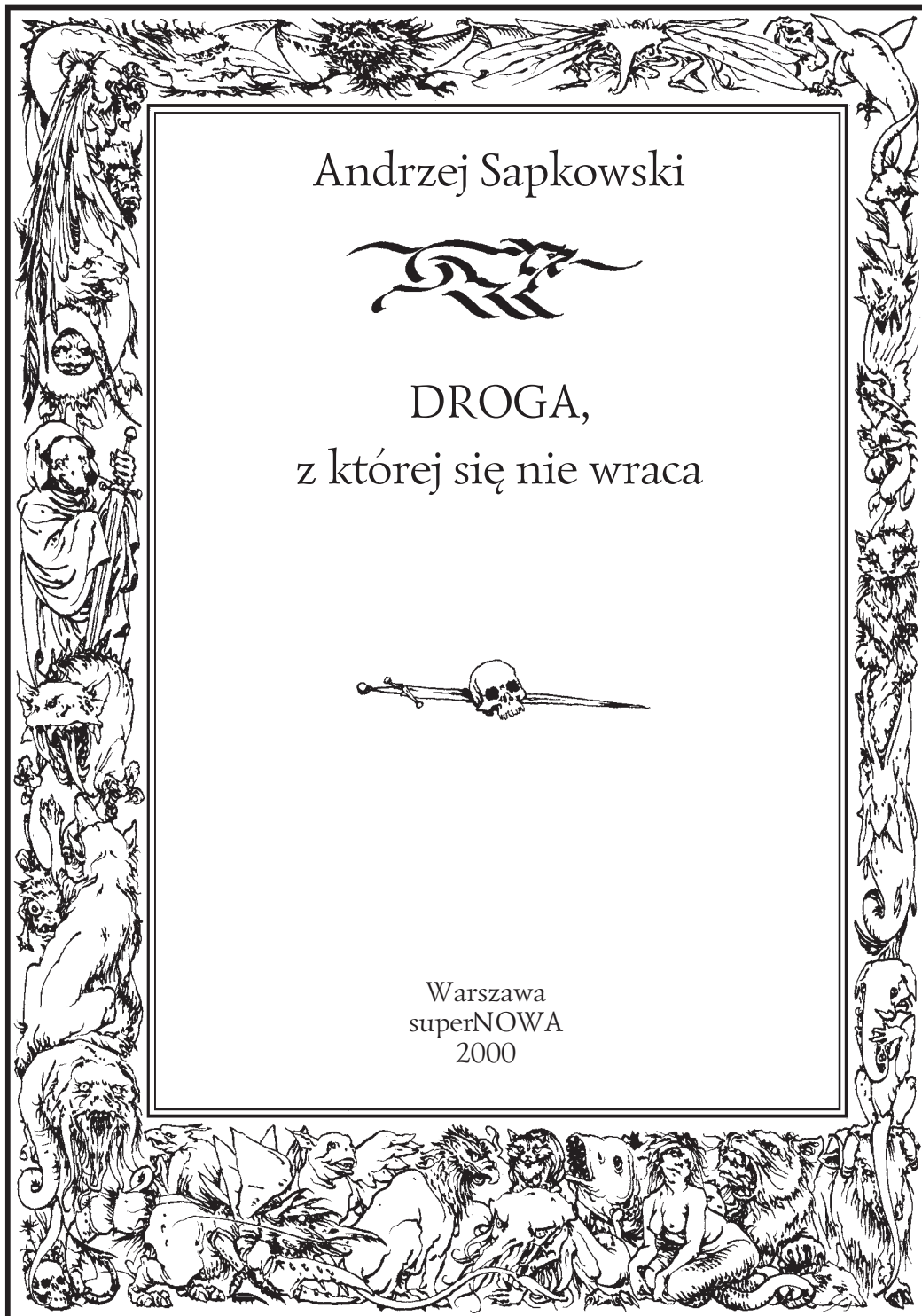
Andrzej Sapkowski

DROGA,
z której się nie wraca

Warszawa
superNOWA
2000

Анджей Сапковский

ВЕДЬМАК

Дорога без возврата

Иллюстрации Дениса Гордеева

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44
С19

Andrzej Sapkowski
Droga, z której się nie wraca

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
NOWA Publishers при содействии
Агентства Александра Корженевского

Сапковский, Анджей.

С19 Ведьмак. Дорога без возврата / Анджей Сапковский; пер. с польск.
Е. П. Вайсброта. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 256 с.: илл. — (Сапковский
с иллюстрациями).

ISBN 978-5-17-113201-9

Знаете ли вы, как познакомились родители Геральта из Ривии? А как выглядела бы история Алисы в Стране Чудес, вздумай ее поведать Чеширский Кот? И отчего животные по-прежнему уходят в Бремен? И сколько значений у старого французского слова *la maladie*? И куда же, черт возьми, подевался на одной весьма знаменательной свадьбе гном по имени Шуттенбах?! А может, вы и сами не чужды сочинительству и не сегодня завтра отправитесь вместе со своими героями через Вампиры Поля, Гнилые Болота, Пыльные Равнины, Пуши Звонящих Берцовых Костей, Туманные Распадки Смерти, Горы Слез, Возвышенности Скрежета Зубовного и Ущелья Брюшного Тифа — все дальше и дальше, на поиски Серых Гор, где золота, как известно... тсс!

Анджей Сапковский всегда был мастером короткой формы. Недаром «Сага о Ведьмаке», полюбившаяся миллионам читателей во всем мире и навсегда вошедшая в каноны фэнтези, начиналась именно двумя сборниками рассказов. И вот теперь перед вами — третий сборник. Впервые — с иллюстрациями Дениса Гордеева.

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44

ISBN 978-5-17-113201-9

Copyright © Andrzej Sapkowski, 1999
© Е. П. Вайсброт, наследники, Е. А. Барзова, Г. Г. Мурадян
перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ДОРОГА БЕЗ ВОЗВРАТА

1

Идевшая на плече у Висенны птица что-то проскрипела, взмахнула пестрыми крылышками и, шумно взлетев, порхнула в заросли. Висенна придержала коня, прислушалась, потом осторожно двинулась вдоль лесной дорожки.

Мужчина сидел, привалившись спиной к столбу, вкопанному на развилке, и, казалось, спал. Однако, подъехав ближе, Висенна увидела, что глаза у него открыты. К тому же он был ранен. Сделанная наспех повязка на левом плече и предплечье пропиталась еще не успевшей почернеть кровью.

Droga, z której się nie wraca. © Перевод с польского Е.П. Вайсброта.

— Привет, парень, — проговорил раненый, выплевывая длинный стебелек. — Далеко ли путь держишь, позволь спросить?

Висенне не понравилось, что ее назвали «парнем», и она, откинув с головы капюшон, ответила:

— Спросить-то можно, да откуда вдруг такое любопытство?

— Простите, госпожа, — прищурился мужчина. — На вас мужская одежда. А что до любопытства, так оно оттуда, что развилки-то это не простой. Случилось тут со мной... любопытное приключение...

— Вижу, — прервала Висенна, глядя на полускрытое папоротниками, неестественно скрючившееся тело шагах в десяти от столба.

Мужчина проследил за ее взглядом. Потом их глаза встретились. Висенна, как бы откидывая волосы со лба, коснулась диадемы, прикрытой перевязкой из змеиной шкурки.

— Угу, — спокойно сказал раненый. — Покойник. Острые у вас глаза. Небось считаете меня разбойником, верно?

— Неверно, — сказала Висенна, не отнимая руки от диадемы.

— А... — вздохнул мужчина. — Ну да... Но...

— Твоя рана кровоточит.

— У большинства ран такое странное свойство — кровоточить, — усмехнулся раненый. У него были красивые зубы.

— Если перебинтовать одной рукой, кровоточить будет долго.

— Неужто хотите облагодетельствовать меня своей помощью?

Висенна спрыгнула с коня, прочертив каблук мягкой землю.

— Меня зовут Висенна, — сказала он. — Я не привыкла благодетельствовать. Кроме того, не терплю, когда ко мне обращаются во множественном числе. Встать можешь?

— Могу. А надо?

— Нет.

— Висенна, — сказал мужчина, слегка приподнявшись, чтобы позволить ей развернуть повязку. — Красивое имя. Тебе кто-нибудь уже говорил, Висенна, что у тебя прекрасные волосы? Такой цвет называется медным, верно?

— Нет. Рыжим.

— Ага. Когда закончишь, подарю букет люпинов, вон тех, что растут во рву. А пока перевязываешь, расскажу, чтобы убить вре-

мя, что со мной приключилось. Я, видишь ли, пришел той же дорогой, что и ты. Гляжу — на развилке столб. Вот этот самый. На столбе доска. Эй, больно.

— У большинства ран такое странное свойство — болеть. — Висенна оторвала последний слой полотна, даже не стараясь делать это мягко.

— Верно, забыл. О чем это я... Ах да. Подхожу, смотрю — на доске надпись. Каракули какие-то. Я когда-то знал лучника, который ухитрялся, прости, написать на снегу буквы покрасивше. Читаю... А это что такое, мазель? Что за камушек? А, черт побери... Такого мне видеть не доводилось.

Висенна медленно провела вдоль раны гематитом. Кровотечение тут же прекратилось. Прикрыв глаза, она схватила плечо мужчины обеими руками, крепко прижала края раны. Отняла руки — ткань срослась, осталось утолщение и пурпурная полоска.

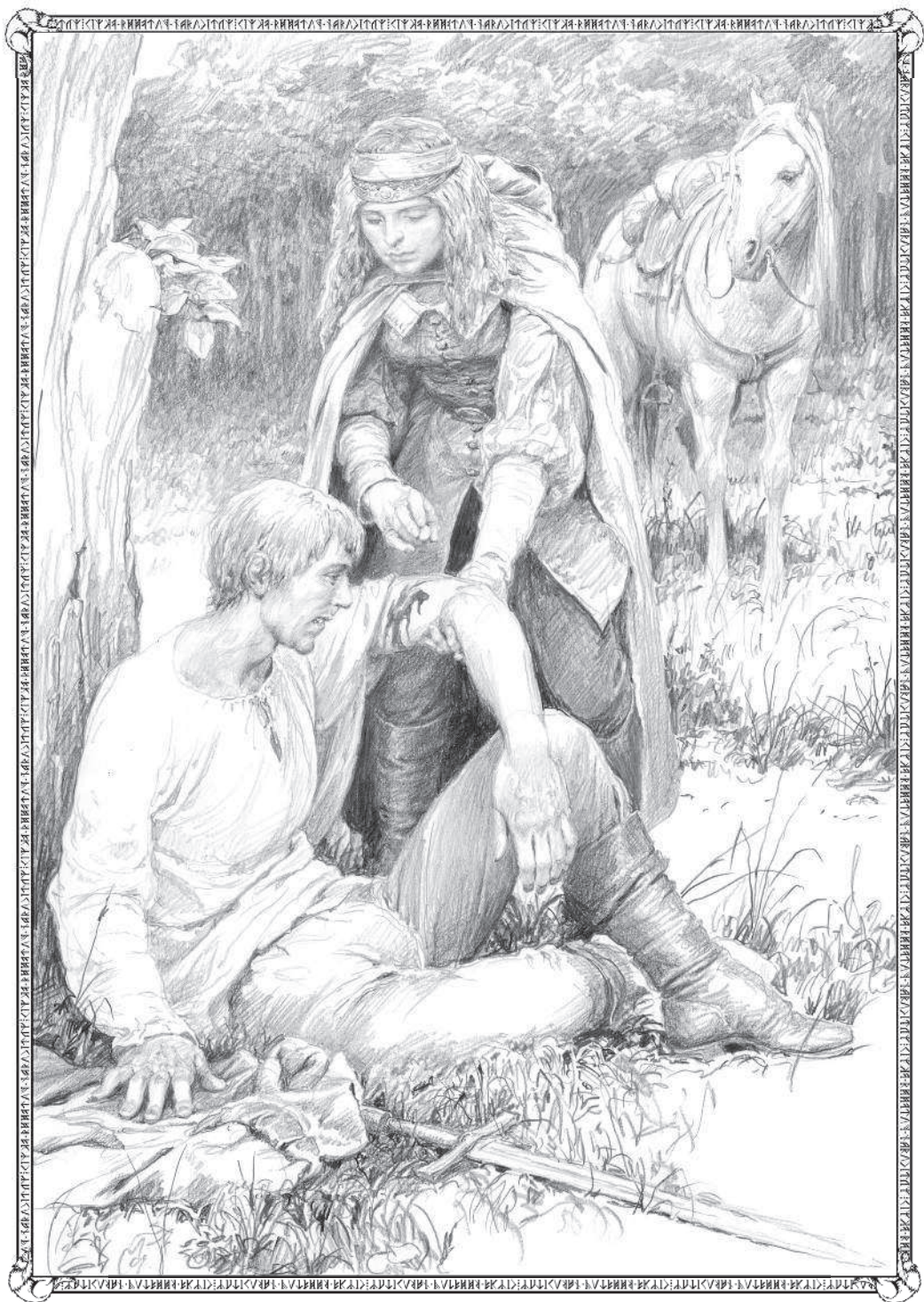
Мужчина молчал, внимательно глядя на нее. Потом осторожно помассировал плечо, потер шрам, покрутил головой. Натянул окровавленный кусок рубашки и куртку, встал, поднял с земли меч на поясе, скрепленном застежкой в виде драконьей головы, кошель и фляжку.

— Да, повезло, что называется, — сказал он, не сводя с Висенны глаз. — Целительница в самой гуще леса, на слиянии Ины и Яруги, где скорее встретишь вурдалака или, что того хуже, пьяного в дымину лесоруба. Как насчет платы за лечение? У меня, понимаешь, временные трудности с наличными. Букета из люпинов хватит?

Висенна пропустила замечание мимо ушей. Подошла ближе к столбу, подняла голову — доска была прибита на высоте глаз мужчины.

— «Ты, который пришел с запада, — прочла она громко. — Налево пойдешь — вернешься. Направо пойдешь — вернешься. Прямо пойдешь — не вернешься». Глупости какие-то.

— То же самое подумал и я, — согласился мужчина, отряхивая с колен хвою. — Я знаю эти места. Прямо, то есть на восток, — дорога к перевалу Кламат, на купеческий тракт. И почему бы оттуда нельзя вернуться? Такие, что ль, шикарные девочки, только и ждущие, чтобы мужа заарканить? Или самогон дешевый? А может, освободилось место ипата?

— Отклоняешься от темы, Корин.

Мужчина раскрыл рот:

— Откуда ты знаешь, что меня зовут Корин?

— Сам только что сказал. Продолжай.

— Да? — Мужчина подозрительно глянул на нее. — Серьезно?

Ну, возможно... Так на чем я остановился? Ага. Читаю, стало быть, и удивляюсь, какой баран придумал такую надпись. Вдруг слышу, кто-то бормочет и ворчит у меня за спиной. Оглядываюсь — бабулька, седенькая, горбатенькая. Ясное дело — с клюкой, а как же. Я ее этак вежливенько спрашиваю, что, мол, с ней? Она бормочет: «Отошшала я, лыцарь благородный, с зари росинки маковой на зубок не брала». Проверяю, и верно, у бабки только один зубок остался. Растрогался я жуть как, ну, вынимаю из кошеля хлеба краюшку, половинку вяленого леща, которого получил у рыбаков на Яруге, и даю, значит, старушенции. Она садится, мусолит рыбку, покряхтывает, косточки выплевывает. А я продолжаю рассматривать этот чудной дорожный указатель. Вдруг бабка и говорит: «Добрый ты, лыцареньш, пособил мне, награда тебя не минует». Хотел я ей сказать, куда она может засунуть свою награду, а бабка снова: «Подойди, сынок, я тебе кой-чего на ушко шепну, важную тайну открою, как многих добрых людей от несчастья упасти, славы добиться и богатство обрести».

Висенна вздохнула, присела рядом с раненым. Нравился он ей, высокий, светловолосый, с продолговатым лицом и выдающимся вперед подбородком. Не несло от него, как обычно от мужиков, с которыми она встречалась. Она тут же отогнала назойливую мысль о том, что уж слишком долго мотается в одиночку по лесам да трактам. Мужчина продолжал:

— Ну, думаю, классический случай. Если у бабки нет склероза, а все шарики-бобики на местах, то, может, и будет с того прок для бедного солдатика. Наклоняюсь, подставляю ухо, словно дурак какой. И если б не моя реакция, получил бы прямо в кадык. Я отскочил, кровь бьет из плеча, как из дворцового фонтана, а бабка лезет с ножом, воеет, слюной брызжет. Я все еще не соображал, что дело-то серьезное. Пошел на нее вплотную, чтобы лишиться преимущества, и тут чую, никакая это не старуха. Груды твердые как кремьнь...

Корин глянул на Висенну, чтобы проверить, не покраснела ли она. Висенна слушала с выражением вежливой заинтересованности на лице.

— Да... Ну, думаю, повалю ее, нож отниму, да куда там! Она сильная, как рысь. Чую, не удержать мне ее руки с ножом. Что делать? Оттолкнул я ее, хватъ меч... она напоролась сама.

Висенна сидела молча, положив руку на лоб, и задумчиво потирала змеиную перевязку.

— Слушай, Висенна! Я говорю как было. Знаю, что женщина, и чую себя неловко, но провалиться мне, если это была нормальная женщина. Как только она упала, тут же изменилась. Помолодела.

— Иллюзия.

— Что-что?

— Ничего. — Висенна встала, подошла к трупу, лежащему в папоротниках.

— Только погляди. — Корин встал рядом. — Баба — что твой статуи в дворцовом фонтане. А была сгорбленная и сморщенная, ровно зад столетней коровы. Чтоб меня...

— Корин, — прервала Висенна. — У тебя нервы крепкие?

— Э? А при чем тут нервы? Ну, вполне, если тебя это интересует. Не жадуюсь.

Висенна сняла перевязку со лба. Драгоценный камень в диадеме полыхнул молочно-белым пламенем. Висенна встала над трупом, протянула руку, закрыла глаза, прошептала что-то непонятное. Потом резко крикнула:

— Grealghane!

Папоротники зашевелились. Корин отскочил, выхватил меч и замер в оборонительной позиции. Труп задрожал.

— Grealghane! Говори!

— Ааааааа! — вырвался из папоротников нарастающий хриплый рев.

Труп выгнулся дугой, чуть ли не взлетел, касаясь земли пятками и макушкой. Рев утих, стал прерывистым, перешел в горловое бормотанье, стоны и вопли, постепенно набиравшие силу, но совершенно непонятные. Корин почувствовал, как по спине потекла холодная струйка пота, щекочущая, словно ползущая гусеница.

Сжав кулаки, чтобы сдержать дрожь в предплечьях, он всей силой воли боролся с непреодолимым желанием сбежать в глубь леса.

— Огг... ннн... ннгррр... — пробормотал труп, раздирая землю ногтями и пуская кровавые пузыри, лопающиеся на губах. — Наррррр... еееггг...

— Говори!

Из протянутых рук Висенны сочился мутноватый поток света, в котором кружилась и клубилась пыль. Из папоротников взметнулись сухие листики и травинки. Труп захлебнулся, захлюпал и вдруг заговорил, совершенно четко:

— ...развилке, в шести верстах от Ключа к югу... Не больше... По... Посылал. Кругу. Парня. Веее... ггг... лел. Велел.

— Кто? — крикнула Висенна. — Кто велел? Говори!

— Пфф... ррр... генал. Все записи, письма, амулеты. Коль... ца...

— Говори!

— ...еревале. Костец. Фре... наль. Забрать письма. Перг... гаменты. Он придет с мааааа! Ээээээ! Ннныыыы!!!

Голос задрожал, бормотание утонуло в диком вое. Корин не выдержал, бросил меч, зажмурился и, зажав уши руками, стоял так, пока не почувствовал прикосновение к плечу. Вздрогнул всем телом.

— Конец, — сказала Висенна, отирая пот со лба. — Я тебя спрашивала, как у тебя с нервами.

— Ну и денек! — с трудом проговорил Корин. Поднял с земли меч, сунул в ножны, стараясь не глядеть на уже неподвижное тело. — Висенна?

— Слушаю.

— Пошли отсюда. Подальше от этого места.

2

Они ехали вдвоем на коне Висенны по просеке, заросшей и изрытой выбоинами и колдобинами. Девушка впереди, в седле, Корин, без седла, сзади, обхватив ее за талию. Висенна уже давно привыкла не смущаясь принимать выпадавшие ей время от вре-

мени мелкие радости, даримые судьбой, поэтому с удовольствием упиралась спиной в грудь мужчины. Оба молчали.

- Висенна, — почти через час первым решился Корин.
- Слушаю.
- Ты не только целительница. Ты из Круга?
- Да.
- Судя по тому... представлению — магистр?
- Да.

Корин отпустил ее талию и ухватился за заднюю луку седла. Висенна гневно прищурилась. Конечно, он этого видеть не мог.

- Висенна.
- Слушаю.
- Ты что-нибудь поняла из того, что она... оно... говорило?
- Немного.

Снова помолчали. Пестрокрылая птица, порхающая над ними в кронах, громко застрекотала.

- Висенна?
- Корин, будь любезен...
- А?
- Перестань болтать. Мне надо подумать.

Просека вела прямо вниз, в долину, в русло неглубокого ручья, лениво бегущего среди камней и черных стволов в пронизывающем все запахе мяты и крапивы. Конь скользил по камням, покрытым слоем ила и глины. Корин, чтобы не упасть, снова ухватился за талию Висенны, отгоняя при этом назойливую мысль о том, что слишком уж долго он мотается в одиночку по лесам и трактам.

3

Селение было типичной деревней об одной улице, тянувшейся по склону горы вдоль тракта, — соломенной, деревянной и грязной, присевшей за кривыми заборчиками. Когда они подъехали, собаки подняли лай. Конь Висенны спокойно шел по середине улицы-дороги, не обращая внимания на выходящих из себя дворняг, вытягивающих истекающие пеной морды к его ногам.

Сначала не было видно никого. Потом из-за заборов, с тропинок, ведущих на гумна, появились обитатели — босые и угрюмые, вооруженные вилами, жердями и цепами. Кто-то наклонился, поднял камень.

Висенна придержала коня. Подняла руку — Корин увидел маленький золотой серповидный ножичек.

— Я — целительница, — проговорила девушка четко и звучно, хоть совсем негромко.

Кметы опустили оружие, зашептались, переглянулись. Их становилось все больше. Несколько ближайших стянули шапки.

— Как называется ваше село?

— Ключ, — долетело из толпы после минутной тишины.

— Кто над вами старший?

— Топин, милсдарыня. Вон та хата.

Прежде чем они двинулись, через строй кметов пробилась женщина с грудничком на руке.

— Госпожа... — робко прошептала она, прикасаясь к ноге Висенны. — Дочка... Вся прям-таки пылает...

Висенна соскочила с седла, коснулась головки ребенка, прикрыла глаза.

— Завтра выздоровеет. Не укутывай так тепло.

— Благодарствую, милостивая государыня... Стократ...

Топин, солтыс, был уже на дворе и в этот момент размышлял, что делать с вилами, которые держал наготове. Наконец сбросил ими со ступеней куриный помет.

— Прощения просим, — сказал он, отставляя вилы к стене хаты. — Госпожа и вы, уважаемый. Время такое неверное... Прошу входить. Приглашаю перекусить.

Вошли.

Солтысиха, таская за собой двух вцепившихся в юбку белокурых девчушек, подала яичницу, хлеб, простоквашу и скрылась в другой комнате. Висенна в отличие от Корина ела мало, сидела задумчивая и тихая. Топин вращал глазами, то и дело чесался и не переставая болтал:

— Время, грю, неверное. Неверное, грю. Беда нам, уважаемые. Мы овец на шерсть разводим, на продажу, сталбыть, шерсть-то, а ныне купцов нету, приходится изводить стада, рунных овец

бьем, чтоб было чего в горшок бросить. Ране-то купцы за ясписом да по камень зеленый ходили в Амелль за перевал, тама, значит, копи лежат. Тама яспис-то добывали. А как шли купцы-то, значить, и шерсть брали, платили, разное добро оставляли. Нету, грю, ноне купцов. Дажить соли нету, что приколем, в три дни съесть надыть, чтоб не попортилося.

— Обходят вас караваны? Почему? — Висенна то и дело задумчиво трогала перевязку на лбу.

— Ага, обходят, — буркнул Топин. — Закрыта дорога на Амелль-то, на перевале уселся проклятуший костец, живой души не пропустит. Ну, дык как же туды купцам-то идтить? На смерть?

Корин замер с ложкой в воздухе.

— Костец? Что за штука — костец?

— А я знаю? Говорят, костец, людоедец. На перевале, грю, вроде бы сидит.

— И не пропускает караваны?

Топин посмотрел на стены.

— Токмо некоторые. Говорят, своих. Своих, мол, пропускает.

Висенна наморщила лоб:

— То есть как — своих?

— Ну, своих, значить, — проворчал Топин и побледнел. — Людишкам из Амелли ишшо хужее, чем нам. Нас-то хоша лес малость кормит. А тамошние на голом камне сидят и токмо то и имеют, что им костецы за яспис продают. По-разбойничьи за каждое добро платить велят, а чего им, из Амелли-то, делать? Яспис жрать не станешь?

— Что за «костецы»? Люди?

— И люди, и враны, и еще ктой-то. Разбойники это, госпожа. Они в Амелль возют то, что у нас забирают. По селам, бывалотко, грабили, девок портили, а кто противится, убивали, разоряли людишек. Разбойники. Одно слово — костецы.

— Сколько их? — спросил Корин.

— Кто считал, милсдарь? Села-то мы охраняем, кучкой держимся. А толку? Ночью налетят, подожгут. Уж лучше дать, чего хочут. Потому как говорят..

Топин побледнел еще больше, задрожал всем телом.

— Что говорят, Топин?

— Говорят, мол, костец, ежели его разозлить, слезет с перевала-то и пойдет на нас, в долины.

Висенна резко поднялась. Лицо у нее изменилось. Корина проняла дрожь.

— Топин, — сказала чародейка. — Где тут ближайшая кузница? Конь мой подкову на тракте потерял.

— Дале за селом, под лесом. Тамotka и кузня есть, и конюшня.

— Хорошо. А теперь иди поспрашивай, где кто больной или раненый.

— Благодарности вам, добродейка, благодарности.

— Висенна, — проговорил Корин, как только за Топином закрылась дверь. — У твоего коня все подковы в порядке.

Друидка повернулась, молча глянула на него.

— Яспис — это, конечно, яшма, а зеленый камень — жадеит, которым славятся амелльские копи, — продолжил Корин. — Но в Амелль можно попасть только через Камлат, перевал. Дорогой, с которой нет возврата. Что там болтала покойница на развилке? Почему хотела меня укокошить?

Висенна не ответила.

— Молчишь? Не беда. И так все потихонечку проясняется. Бабулечка с развилки ждала кого-то, кто остановится перед дурной надписью, запрещающей дальнейший путь на восток. Это было первое испытание — умеет ли путник читать. Потом бабка еще раз удостоверилась — ну, кто же, как не добрый самаритянин из друидского Круга, поможет в наши времена голодной старушке? Любой другой, даю голову на отсечение, еще и посошок отнимет. Хитрющая бабенция продолжает «проверку», начинает болтать о несчастных людях, нуждающихся в помощи. Путник, вместо того чтобы попотчевать ее пинком и непотребным словом, как сделал бы обычный, серый житель здешних мест, напряженно слушает. Да, думает бабка, это он. Друид, который намерен расправиться с бандой, терроризирующей округу. А поскольку она, несомненно, послана этой самой бандой, то хватается за нож. Ха! Висенна! Ну не умен ли я?

Висенна не ответила. Она стояла, повернув голову к окну. Видела — полупрозрачные пленки из рыбьих пузырей не были для нее помехой — пестрокрылую птицу, сидящую на вишневом кусте.